

**Громова Л.А.,
Петровский И.В.**

ОТ ЛИЧНОЙ ЭТИЧНОСТИ К КАЧЕСТВУ ВЛАСТИ: ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ФИЛОСОФСКО-ЭТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Громова Лариса Алексеевна доктор философских наук, заведующая кафедрой социального менеджмента РГПУ им. А.И. Герцена,

Петровский Игорь Валерьевич, аспирант кафедры этики и эстетики РГПУ им. А.И. Герцена

Аннотация: В общественном мнении авторитет государственных и муниципальных служащих справедливо связывают с категориями, как профессионализм, справедливость и порядочность. Формализм, нравственная нечистоплотность и безответственность государственного служащего, ответственного чиновника дискредитируют любые благие намерения властей и государство в целом. Являясь важнейшим на сегодняшний день, вопрос об этических основаниях государственной службы оказывается включённым в контекст более широких социологических, исторических и философских проблем.

Ключевые слова: власть, чиновничество, государственная служба, моральные нормы, личность, нормы, ценности.

Нормативность отрицательной оценки российского чиновничества в общественном и научном дискурсе XXI века [см., например, 16, 17] обусловила более пристальное внимание в научном исследовании к этическим основаниям государственной службы. Как справедливо отметил В.Л.Ларин, «вопрос о качестве власти (государственной службы, бюрократии, чиновничества) – это один из ключевых вопросов развития современной российской государственности» [17, с. 37]. Процесс игнорирования моральных норм в среде государственных служащих стал рассматриваться как одна из угроз национальной безопасности, недаром в последние годы всё большее распространение получает практика

создания этических кодексов государственных служащих. Такие кодексы разработаны и приняты для муниципальных и для федеральных госслужащих в ряде субъектов Российской Федерации, в некоторых ведомствах и министерствах, неоднократно ставился вопрос и о создании единого усовершенствованного этического кодекса государственного служащего Российской Федерации [см., например, 12]. И это не случайно: на оси «власть – народ» существует серьезная дилемма ценностной и целевой рациональности. С одной стороны, для восточных славян всегда играли огромную роль идеалы ценности, в целом значимые для коллектива и общества, а с другой стороны нельзя не принимать в расчет зримость плодов целерациональности в жизнечеловека Запада. В рамках последнего интересна реконструкция принципа полезности, имевшего определённую ценность в рамках нормативной системы утилитаризма. Содержание конкретной моральной нормы в соответствии с принципом полезности оказывается зависимым от последствий рассматриваемого действия, а также от его целей и средств. Моральный выбор, в соответствии с принципом полезности, осуществляется путем предпочтения лучшего варианта из ряда возможных в пределах целерациональной стратегии размышления. Условиями реализации являются а) наличие определенного представления о моральном благе; б) возможность измерить и сравнить блага отдельного лица, социальной группы и общества в целом; в) достоверное знание и гипотетическое знание о ближайших последствиях действия [см., например, 10].

В общественном мнении авторитет государственных и муниципальных служащих справедливо связывают, прежде всего, с такими категориями, как профессионализм, справедливости порядочность. Формализм, нравственная нечистоплотность и безответственность государственного служащего, ответственного чиновника могут серьезно дискредитировать любые благие намерения властей и государство в целом. Являясь важнейшим на сегодняшний день, вопрос об этических основаниях государственной службы оказывается в то же время включённым в контекст более широких социологических, исторических и философских проблем. В первую очередь он соотносится с ключевым вопросом западноевропейской и русской философской мысли, является ли человек этическим хотя бы в силу того, что он существо разумное и, следовательно, *должен понимать* значимость морального саморегулирования.

Философское осмысление этой проблемы видится нам в контексте интерпретации морально-этического наследия и меха-

низмов его трансляции. Ценности и идеалы важны для человека и общества не только и не столько по причине своей традиционности, что связывают с так называемой социокультурной и исторической памятью. Значимость морально-этического наследия определяется, прежде всего, тем, что оно выполняет методологическую функцию, принципы и подходы служат своеобразными «гештальтами», опорными структурами практического социального действия. Интересным в этой связи представляется имеющее древние корни разделение обществ на «культуры стыда» и «культуры вины». В культурах «стыда» основным мотивом соблюдения этических норм и нравственного саморегулирования является боязнь «потери лица», признание значимости собственной репутации. По мнению американского антрополога Р.Бенедикта, как правило, на культуре стыда построены восточные государства, особенно этот принцип свойствен японской культуре. В обществах с культурой «вины» – это, в основном, европейские культуры – особое значение придается индивидуальной оценке действий самим человеком, переживаниям, угрызениям совести за проступки и преступления [1].

Следование моральным запретам, в том числе и христианским заповедям, – принцип, идущий из глубины веков, но не потерявший своей значимости до настоящего времени. По мнению академика А.А. Гусейнова, он очень перспективен в научном плане изучения морали, проблем этической регуляции [3].

Нравственная апологетика власти, и человека власти, раскрывается через идеалы христианской гуманности, просветительства; практику соотнесения «правды» власти с «правдой жизни» и с «божественной правдой». Христианские ценности как морально-этические основания саморегулирования включают, в первую очередь, ценности внутренних критериев нравственного сознания в человеке, например, совесть, которая является основополагающей среди рефлексивных ценностей христианства. Она устанавливает связь морального сознания и соответствующего ему поступка с христианскими нормами нравственного поведения, выполняя тем самым роль своего рода «контролёра» этических повседневных действий и взаимоотношений людей, ибо «единство морали основано на таком свойстве человека, как совесть <...> и собственно понимание её «раскрывает первопричину разновекторности исторического самосознания как восточнославянской, так и западноевропейской цивилизаций» [7].

Проблема личной нравственности (совестливости) в качестве основы для развития и личности, и общества актуализирована

в литературном и философском наследии Ф.М. Достоевского. Продолжателем этой идеи во многом является С.Л. Франк. В своей работе «Свет во тьме» он сформулировал положение, которое можно назвать основополагающим в контексте решения проблем соотношения власти и морали в государственном управлении, а именно: «уровень общественного порядка стоит в функциональной зависимости от нравственного уровня людей, его составляющих» [15].

Не менее важны христианские ценности самоконтроля и самодисциплины, которые направлены на сознательное самоограничение человеком своего деструктивного начала и преодоление любого негативного воздействия окружающей среды. В плане последних, справедливости ради, необходимо отметить, что на государственном уровне моральные требования самодисциплины и самоограничения в общественном служении постоянно подкреплялись правовыми регуляторами. Так, в Судебнике 1497 года впервые введено запрещение брать «посулы» (взятки, подношения): «Судити суд бояром и околничим. А на суде, быти у бояр и у околничихдиаком. А посуловбояром, и околничим, и диаком от суда и от печалования не имати; також и всякому судие посула от суда не имати никому. А судом не мстити, ни дружити никому» [13]. Судебник 1550 года (Судебник Ивана Грозного) не только содержал запрещение брать посулы, но и устанавливал строгие наказания за нарушение этого запрета. Причём, утверждались необходимость надзора начальников за своими подчиненными и, главное, материальная ответственность за их проступки: согласно статье № 4 дьяк, составивший за взятку подложный протокол или исказивший показания сторон, уплачивал сумму иска и подвергался тюремному заключению, *а вторую половину должен был уплатить боярин, не уследивший за своим подчиненным* [14]. Соборное уложение 1649 года предусматривало достаточно суровые наказания за преступления, подпадающие под современное понятие «коррупция». По словам, В.О. Ключевского, должностное лицо, уличенное в мздоимстве, должно было вернуть взятые подарки, подвергнуться битью батогами, и выплатить штраф, размер которого мог колебаться, по свидетельству современников, от 500 до 1000 рублей. Дьяков наказывали кнутом, *привязав к шее взятую в подарок вещь – кошелек с деньгами, мех, даже соленую рыбу*, а затем отправляли в ссылку [5]. В контексте корреляции моральных и правовых регулятивов служения, интересен и тот факт, что государственная служба в России начиналась с принятия присяги. Уже в XVII веке предписывалось без присяги

«дьякам в приказах не сидеть и никаких дел не делать». Целуя крест, приказный человек брал на себя обязательства «дела всякие делать и судить вправду», «государские казны всякие беречь и ничем государским не корыстоваться», «посулов и поминков (т. е. взятков) ни у кого и ни от чего не имать» и «дел государевых тайных всяких никому не сказывать» [11].

Ещё одним значимым нравственным императивом была справедливость. Справедливое отношение к другим людям, с одной стороны, формировалось на основе догмата православия «люби ближнего как самого себя». С другой стороны, на его формирование оказывало определенное влияние и толкование «праведности», духовности в XVI – XVII вв. Именно праведность (как своего рода синоним нравственной «правильности») является основным этическим регулятором поступков человека, особенно человека «от власти». В этой связи, хотелось бы обратиться к суждению Митрополита Кирилла о *достоинстве* человека [6]. Само слово «достоинство» означает «то, что заслуживает уважения и чести, и то, что имеет большое значение и ценность». В различных языках слово «достоинство» всегда было связано с определенной социальной позицией, которую занимал человек. Действовать согласно своему достоинству означало (и означает!) поступать в соответствии с присущими занимаемому положению правилами и обязанностями на основе естественного нравственного закона, который дан Богом и является общим достоянием всех людей. Это закон разума, ориентирующий каждого человека в выборе добра. Знание добра имеет не просто теоретический характер, но и *внутренне обязывающую силу*. Христианские установки рекомендуют человеку, исполняющему различные социальные роли, определить, за что он сегодня реально отвечает: «И как, по данной нам благодати, имеем различные дарования, то, имеешь ли пророчество, пророчествуй по мере веры; имеешь ли служение, пребывай в служении; учитель ли, в учении; увещатель ли, увещевай; раздаватель ли, раздавай в простоте; начальник ли, начальствуй с усердием; благотворитель ли, благотвори с радушием» [6]. Однако зачастую социальная роль осознаётся государственным служащим только как соответствие *статусу*, формируя ощущение самодостаточности норм и правил поведения: корпоративные, служебно-ролевые цели и принципы выдвигаются в качестве критерия нравственного выбора, приоритетов этического характера. Подобная подмена неизбежно ведет к утрате общехристианских, общецивилизационных норм и ценностей, способных предостеречь человека

от циничного равнодушия к интересам других людей. Наиболее ярко это всегда проявляется в самые сложные и ответственные моменты – как, например, в связи с трагическими событиями в Фукусиме. В указе о посольском и консульском учреждениях сказано, что в случае таких событий, чиновники *обязаны* позаботиться о гражданах своей страны. По данным специального корреспондента «Токио симбун» во Владивостоке А.В. Полутова, в часы и дни землетрясения все страны достаточно оперативно вывезли своих граждан из опасной зоны, кроме нашей, «зато наши дипломаты организовали для себя два спецборта, чтобы улететь из страны» [16, с.21].

По мнению И.А. Ильина, с умалением чувства духовного «в человечестве поколебалось и чувство ответственности» [4, с. 55]. Обращение к морально-этическому наследию русской философской мысли актуализирует проблему личной ответственности как внутренне *обязывающей* силы, способной обеспечить духовно-нравственную устойчивость современного российского общества, несмотря на кризисные потрясения, которые оно продолжает испытывать, ибо «именно этическое создает, творит социальное», и «если воспользоваться образом «матрешки», то можно сказать, что самый последний, неразложимый элемент в социальном и есть этическое» [2].

Литература:

1. Бенедикт Р. Хризантема и меч. Модели японской культуры. - М.: Росспэн.- 2004. – С.156-157.
2. Голик Н.В. Этическое в культуре. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. –С.254.
3. Гусейнов А.А. Что я понимаю под негативной этикой? // Вестник МГУ- Серия 7. Философия. – 2009. – № 6. – С. 3-21.
4. Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. – М.: Парогь, 1993. – 448 с.
5. Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. – Петроград, 1918. - С.156.
6. Митрополит Кирилл. Свобода и ответственность: В поисках гармонии. Права человека и достоинство личности. -М.:Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата.- 2008.- 240с.
7. Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. Опыт рассмотрения проблем прав человека и их нравственных основ в европейских религиозных сообществах // Проблемы управления. – 2008. – № 1. – С. 39–42.
8. Пинский Д.А. Нормативно-этическая программа классического утилитаризма: гедонистическая концепция Иеремии Бентама // Топос.-2002.- № 1 (6). -С. 117-135.
9. Пинский Д.А. Прагматический метод и этика // Гуманитарно-экономический вестник. -2000.-№3 – С. 33-43.

10. Писарькова Л. Ф. Чиновник на службе в конце XVIII – первой половине XIX в. // Человек. - 1995. - № 3. - С. 121-139; № 4. - С. 147-158.
11. Соколов В.М. Модельный этический кодекс государственного служащего Российской Федерации // Государственная служба. -2004. -№ 2. - С.6-17.
12. Судебник 1497 г.// Российское законодательство X-XX вв. В 9 т. Т.2. Законодательство периода образования и укрепления русского централизованного государства. – М.: Юридическая литература, 1985. - С.54.
13. Судебник 1550 г.// Российское законодательство X-XX вв. В 9 т. Т.2. Законодательство периода образования и укрепления русского централизованного государства. – М.: Юридическая литература, 1985. - С.97.
14. Франк С.Л. Свет во тьме: Опыт христианской этики и соц. философии/ Вступ. ст. А. В. Соболева. – М.:Факториал, 1998. -С.240.
15. Этика государственной службы и нравственный идеал человека в культурных традициях России и Восточной Азии. //Информационно-аналитический бюллетень ИИАЭ ДВО РАН №19 (217). – Владивосток,2011г.- 37с.
16. <http://chinovnik.uara.ru/modern/article.php?id=577>; Оболонский А.В. Государственная служба в России и в мире: тенденции последних десятилетий//ЧиновникЪ – 2005. № 3 (37).
17. http://nashavlast.ru/article_description/117/1449.html Никишин А. Наша дорогая элита//Наша власть: дела и лица. - 2010 – № 7-8 (109).